

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В.Лушникова, А.С.Пушкарева и И.С.Пушкарева

город Санкт-Петербург

9 ноября 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.В.Лушникова, А.С.Пушкарева и И.С.Пушкарева. Основанием к

рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявители по настоящему делу граждане А.В.Лушников, А.С.Пушкарев и И.С.Пушкарев оспаривают конституционность следующих положений статьи 35 «Изменение территориальной подсудности уголовного дела» УПК Российской Федерации:

части первой, согласно которой территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена по ходатайству стороны – в случае удовлетворения в соответствии со статьей 65 данного Кодекса заявленного ею отвода всему составу соответствующего суда (пункт 1), по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, – в случаях, если все судьи данного суда ранее принимали участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу, что является основанием для их отвода в соответствии со статьей 63 данного Кодекса, либо если не все участники уголовного судопроизводства по данному уголовному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция данного суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела (пункт 2);

части третьей, в силу которой вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, указанным в части первой той

же статьи, разрешается судьей вышестоящего суда в порядке, установленном частями третьей, четвертой и шестой статьи 125 данного Кодекса;

части четвертой, в соответствии с которой по ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя уголовное дело хотя бы об одном из преступлений, предусмотренных статьями 208, 209, частями первой – третьей статьи 211, статьями 277–279 и 360 УК Российской Федерации, если существует реальная угроза личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц, по решению Верховного Суда Российской Федерации может быть передано для рассмотрения в окружной (флотский) военный суд по месту совершения преступления.

1.1. Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2017 года удовлетворено ходатайство заместителя Генерального прокурора Российской Федерации об изменении территориальной подсудности уголовного дела по обвинению И.С.Пушкарева в совершении преступлений, предусмотренных частью шестой статьи 290 (получение взятки в особо крупном размере), частью третьей статьи 285 (злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия) и пунктом «а» части второй статьи 204 (коммерческий подкуп, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ) УК Российской Федерации, А.С.Пушкарева – в совершении преступлений, предусмотренных частью пятой статьи 291 (дача взятки в особо крупном размере) и пунктом «а» части второй статьи 204 УК Российской Федерации, А.В.Лушникова – в совершении преступлений, предусмотренных частью пятой статьи 33 и частью шестой статьи 290 (пособничество в получении взятки в особо крупном размере), частью третьей статьи 204, частью второй статьи 201 (злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия) и частью третьей статьи 327 (использование заведомо подложного документа) УК Российской Федерации.

В соответствии с указанным постановлением, оставленным без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2018 года, уголовное дело, подсудное Ленинскому районному суду города Владивостока, несмотря на возражения обвиняемых было передано для рассмотрения по существу в Тверской районный суд города Москвы. Соглашаясь с доводами прокурора, суды со ссылкой на правовую позицию Европейского Суда по правам человека отметили, в частности, что условия для отправления объективного и беспристрастного правосудия судом, которому подсудно данное уголовное дело, могут быть поставлены под сомнение в связи с наличием у обвиняемого И.С.Пушкарева, занимавшего ранее должности члена Совета Федерации и главы города Владивостока, контактов с представителями властных структур города Владивостока и Приморского края, возможности контролировать через членов своей семьи различные коммерческие предприятия и распространять через подконтрольные средства массовой информации сведения, направленные на дискредитацию следственных органов.

1.2. Нарушение частью первой статьи 35 УПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 46 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявители усматривают в том, что ею допускается передача судьей Верховного Суда Российской Федерации по обращению Генерального прокурора Российской Федерации (его заместителя) уголовного дела из районного суда, которому оно подсудно в силу закона, в районный суд, действующий на территории другого субъекта Российской Федерации, и тем самым – при отсутствии указанных в самом процессуальном законе точных оснований, по которым уголовное дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, равно как и правил определения для таких случаев компетентного суда – изменение территориальной подсудности этого уголовного дела, фактически ставя решение данного вопроса в зависимость

не от выраженной в законе воли законодателя, а от усмотрения правоприменительного органа.

По тем же основаниям гражданин А.В.Лушников оспаривает конституционность части четвертой статьи 35 УПК Российской Федерации. Кроме того, по мнению граждан А.С.Пушкарева и И.С.Пушкарева, часть третья той же статьи – в той мере, в какой она не позволяет однозначно определить, суд какого уровня (звена) судебной системы правомочен рассматривать вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела, подсудного в силу закона районному суду, – не соответствует статьям 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

1.3. Гражданин А.В.Лушников утверждает также, что статьям 2, 17 (часть 1) и 18 Конституции Российской Федерации противоречат положения статьи 1 «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства» УПК Российской Федерации, а именно часть первая, согласно которой порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается данным Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации, и часть третья, в соответствии с которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные данным Кодексом, то применяются правила международного договора.

Как указывает заявитель, оспариваемые им законоположения в силу своей неопределенности не позволяют ответить на вопрос, какие правовые позиции Европейского Суда по правам человека подлежат применению в Российской Федерации – выраженные во всех его постановлениях либо только в постановлениях, вынесенных в отношении Российской Федерации, а также не предусматривают требований к содержанию и форме, в которых должны быть изложены эти правовые позиции в судебном акте, и не

определяют их место в системе правового регулирования уголовно-процессуальных отношений.

Между тем ни часть первая статьи 1 УПК Российской Федерации, называющая Конституцию Российской Федерации в качестве основы регулирования порядка уголовного судопроизводства, ни тем более часть третья данной статьи, прямо воспроизводящая предписания статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации, закрепляющие приоритет международных договоров России перед правилами, предусмотренными законом, не могут расцениваться как не соответствующие конституционным установлениям и нарушающие права и свободы граждан.

Соответственно, жалоба гражданина А.В.Лушникова в части оспаривания конституционности частей первой и третьей статьи 1 УПК Российской Федерации не отвечает критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, а потому в силу пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению.

1.4. Как следует из статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл,

придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, части первая, третья и четвертая статьи 35 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку они служат основанием для решения вопроса о необходимости изменения территориальной подсудности уголовного дела путем его передачи из суда, в который оно поступило по подсудности и юрисдикция которого распространяется на территорию, где обвиняемый (один из нескольких обвиняемых) в силу своего положения, в том числе должностного, до начала производства по данному уголовному делу имел влияние (или фактически сохраняет его) на деятельность государственных и общественных институтов, в суд того же уровня, но другой территориальной юрисдикции.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием на основе равенства всех перед законом и судом (статья 18; статья 19, часть 1).

Право каждого на судебную защиту его прав и свобод, как основное неотчуждаемое право человека, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации). Конкретизируя гарантии данного права, Конституция Российской Федерации, исходя из общеправовых принципов справедливости и равенства, устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (статья 118, часть 1), судьи независимы и

подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1), каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), и никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1).

Приведенные положения Конституции Российской Федерации корреспондируют предписаниям являющихся составной частью правовой системы России международно-правовых актов о праве каждого при предъявлении ему любого уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В силу этих предписаний государства – члены Совета Европы обязаны создавать и поддерживать такую судебную систему, которая обеспечивает рассмотрение дел независимым, беспристрастным и компетентным судом, способным эффективно осуществлять свои полномочия (пункт «i» статьи 1 раздела II резолюции *Res* (2002) 12 Комитета Министров Совета Европы от 18 сентября 2002 года «Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия»).

Таким образом, право на полную, справедливую и эффективную судебную защиту на основе равенства всех перед законом и судом включает в себя не только право на законный суд, но и гарантии объективности, независимости и беспристрастности судей, а обеспечение этих гарантий является важнейшей целью государства, реализуемой как при построении механизма судебной власти в целом (установление судебной системы, правового статуса судей, процедуры их отбора и назначения и др.), так и при определении надлежащего суда (состав суда, институты отводов, подсудность дел и т.д.).

Этот вывод согласуется с практикой Европейского Суда по правам человека, который признает как объективный подход к оценке беспристрастности судей применительно к субъективному праву обвиняемого на судебную защиту (постановления от 1 октября 1982 года по делу «Пьерсак (*Piersack*) против Бельгии», от 28 октября 1998 года по делу «Кастильо Альгар (*Castillo Algar*) против Испании», решение от 29 июня 2004 года по делу «Гарабин (*Harabin*) против Словакии», постановления от 15 июля 2005 года по делу «Межнарич (*Meznaric*) против Хорватии», от 13 ноября 2007 года по делу «Дриза (*Driza*) против Албании», от 15 октября 2009 года по делу «Микаллеф (*Micallef*) против Мальты» и др.), так и самостоятельную публично-правовую ценность авторитета правосудия, судебной власти, которые должны пользоваться общественным доверием (постановления от 26 апреля 1995 года по делу «Прагер и Обершлик (*Prager & Oberschlick*) против Австрии», от 29 августа 1997 года по делу «Ворм (*Worm*) против Австрии» и от 26 февраля 2009 года по делу «Кудешкина против России»).

3. В целях обеспечения независимости и беспристрастности судей как необходимых гарантий справедливого правосудия Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них; вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность (часть вторая статьи 8¹).

Будучи принципом уголовного судопроизводства, независимость судей не должна подвергаться сомнению ни с субъективной точки зрения участников судебного процесса, ни с объективной точки зрения, выражающей публичный интерес в авторитетной и пользующейся доверием общества судебной власти, решения которой, выносимые именем Российской Федерации, должны быть не только формально законными, но и

легитимными, т.е. восприниматься как справедливые, беспристрастные и безупречные, а следовательно, служащие целям эффективной судебной защиты.

3.1. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право каждого на судебную защиту, равно как и его необходимая составляющая – право на законный суд, гарантированные статьями 46 (части 1 и 2) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, предполагают, что рассмотрение дел должно осуществляться не произвольно выбранным, а законно установленным судом, т.е. судом, компетенция которого по рассмотрению конкретного дела определяется на основании закрепленных в законе критериев, которые заранее – до возникновения спора или иного правового конфликта – в нормативной форме предопределяют, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело. Соответственно, по критериям, направленным на разграничение компетенции судов различных уровней судебной системы, определяется родовая (предметная) подсудность дела, а по критериям, обуславливающим территориальную юрисдикцию судов одного уровня судебной системы, – его территориальная подсудность.

Устанавливая правила территориальной подсудности в уголовном процессе, федеральный законодатель исходил не только из необходимости обеспечения сторонам, включая обвиняемого, доступности правосудия, но и из публичных интересов, с тем чтобы гарантировать всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела и, соответственно, способствовать повышению авторитета судебной власти, опирающейся на уголовный закон. Именно особым публично-правовым значением разрешения уголовно-правового конфликта посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, обусловлено в том числе общее правило определения территориальной подсудности уголовного дела по месту совершения преступления: поскольку, будучи общественно-опасным деянием, преступление вызывает в обществе соответствующую реакцию (резонанс), рассмотрение уголовного дела по месту его совершения способствует

снижению вызванной им социальной напряженности, оказывает на граждан эффективное предупредительное воздействие, укрепляет их доверие к судебной власти, упрощает доступ к суду потерпевших, не препятствует участию свидетелей и исследованию других источников доказательств в судебном процессе.

Закрепляя в части первой статьи 32 УПК Российской Федерации общее правило для определения территориальной подсудности уголовного дела, федеральный законодатель в той же статье детализировал его применительно к различным ситуациям: если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда, то данное уголовное дело подсудно суду по месту окончания преступления (часть вторая); если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них (часть третья). Частями четвертой и пятой той же статьи предусматриваются исключения из данного общего правила в отношении определения территориальной подсудности уголовных дел, совершенных вне пределов Российской Федерации, а статьей 33 данного Кодекса допускается рассмотрение уголовного дела вышестоящим судом в случае обвинения одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, уголовные дела о которых подсудны судам разных уровней.

Кроме того, статьей 35 УПК Российской Федерации определяются основания и порядок изменения территориальной подсудности уголовного дела, в том числе без согласия обвиняемых: так, территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена при удовлетворении отвода, заявленного всему составу соответствующего суда (пункт 1 части первой), или при наличии оснований для отвода всех судей данного суда как ранее принимавших участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу (подпункт «а» пункта 2 части первой статьи 35 УПК

Российской Федерации). При этом, как следует из части пятой статьи 65 УПК Российской Федерации, в случае удовлетворения заявления об отводе судьи, нескольких судей или всего состава суда уголовное дело, ходатайство либо жалоба передаются в производство соответственно другому судьи или другого состава суда в порядке, установленном данным Кодексом.

Допуская, таким образом, возможность изменения территориальной подсудности уголовного дела, федеральный законодатель правомерно исходит из того, что таковое не только не умаляет авторитет судебной власти, но и служит достижению публично-правовых целей ее защиты, требующих в определенных случаях передачи конкретного дела из суда, которому оно подсудно в силу закона, в другой суд. Вместе с тем при решении вопросов, связанных с изменением территориальной подсудности уголовного дела, судам надлежит исходить не только из необходимости обеспечения интересов правосудия, но и – в контексте требований статей 17 (часть 3), 19 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 53 Конституции Российской Федерации – из необходимости защиты как прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, которые считаются невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации).

3.2. Практике известны ситуации, когда на территории, подпадающей под юрисдикцию суда, в который поступило уголовное дело, обвиняемый (один из нескольких обвиняемых), занимавший до начала уголовного преследования или производства по уголовному делу руководящие должности в органах власти на этой территории либо обладающий широкими связями во властных структурах, деловых кругах или в криминальной сфере, обладает возможностью манипулировать общественным мнением, в том числе через подконтрольные средства массовой информации, с целью породить недоверие в отношении легитимности будущего судебного

решения. В любом случае в восприятии общественности, если она информирована о том влиянии, которое обвиняемый имеет на соответствующей территории, объективность, непредвзятость и беспристрастность судей суда, которому уголовное дело подсудно в силу закона, даже если их субъективный настрой безупречен, могут быть поставлены под сомнение, что, в конечном итоге, объективно снижает уровень уважения и доверия к правосудию даже при отсутствии для этого каких-либо оснований. При таких обстоятельствах изменение территориальной подсудности данного дела не может рассматриваться как препятствующее доступу к правосудию и само по себе не свидетельствует о нарушении права на рассмотрение уголовного дела законно установленным, а не произвольно выбранным судом, т.е. судом, осуществляющим судопроизводство без предубеждения, полно, всесторонне и объективно и обеспечивающим разрешение дела без неоправданной задержки, притом что это суд той же компетенции, хотя и другой территориальной юрисдикции.

Применительно к подобным экстраординарным ситуациям, не исключая и воздействие на судей путем угроз (потенциальных или реальных) их жизни и физической неприкосновенности, а также жизни и здоровью их близких либо иным образом, в судебной практике (определения Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2016 года № АПЛ16-310, от 8 июня 2017 года № АПЛ17-183 и др.) сложился правовой режим изменения территориальной подсудности на основе взаимосвязанных положений частей первой и четвертой статьи 35 УПК Российской Федерации, не требующий заявления отводов каждому из судей суда, в который поступило уголовное дело, и удовлетворения всех заявленных отводов, – достаточно в рамках критерия объективности определить, имеются ли доказуемые факты, свидетельствующие о наличии прямых или косвенных оснований для возникновения сомнений в беспристрастности судебного разбирательства.

Такое истолкование положений статьи 35 УПК Российской Федерации – как допускающих передачу уголовного дела по подсудности в суд другой территориальной юрисдикции (в том числе действующий на территории другого субъекта Российской Федерации), обусловленную не субъективным настроем конкретных судей, а объективными обстоятельствами, связанными с личностью обвиняемых, их авторитетом, служебным положением, властными полномочиями, которыми они обладали до начала производства по уголовному делу, а также с иными инструментами влияния, которые они могут сохранять на территории, подпадающей под юрисдикцию суда, которому подсудно конкретное уголовное дело, что позволяет им воздействовать на общественное мнение, а также на деятельность государственных и общественных институтов на этой территории, – направлено на обеспечение публично-правовых интересов надлежащего функционирования и защиты судебной власти и как таковое в принципиальном плане не противоречит Конституции Российской Федерации.

Иной подход предполагал бы либо невозможность изменения территориальной подсудности уголовного дела, а следовательно, его рассмотрение без обеспечения должных гарантий независимости и беспристрастности суда, либо изменение подсудности уголовного дела лишь после последовательного удовлетворения судом, которому оно подсудно, заявлений об отводе судей этого суда либо их заявлений о самоотводе, что (принимая во внимание значительное число судей в штате суда или судов того же уровня на территории соответствующего субъекта Российской Федерации) не только приводило бы к несоблюдению (в силу избыточности самой по себе процедуры) процессуальной экономии, но и создавало бы препятствия для доступа к правосудию в разумный срок без неоправданной задержки, а в конечном счете – к нарушению статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

4. Статья 44 «Передача уголовного дела из суда, которому оно подсудно, в другой суд» УПК РСФСР, утратившего силу в связи с введением

в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ), предусматривала, что в отдельных случаях в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела, а равно в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства дела оно могло быть передано для рассмотрения из одного суда в другой такой же суд (часть первая); вопрос о передаче дела по указанным основаниям из одного районного (городского) народного суда в другой в пределах автономной республики, края, области, города, автономной области или автономного округа разрешается соответственно председателем Верховного суда автономной республики, краевого, областного, городского суда, суда автономной области или суда автономного округа (часть вторая); вопрос о передаче дела по указанным основаниям в суд другой автономной республики, края, области, города, автономной области, автономного округа разрешается Председателем Верховного Суда РСФСР или его заместителем (часть третья).

Постановлением от 16 марта 1998 года № 9-П Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 44 УПК РСФСР и содержащую аналогичные положения статью 123 ГПК РСФСР не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 46 и 47 (часть 1), в той мере, в какой они допускали передачу дела из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд без принятия соответствующего процессуального судебного акта и при отсутствии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не могло быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

По смыслу правовой позиции, на которую опирался Конституционный Суд Российской Федерации, принимая указанное Постановление, передача дела вышестоящим судом из суда, которому оно подсудно, в другой суд не противоречит Конституции Российской Федерации, если такая передача исключает произвольный выбор суда или судьи и осуществляется в рамках судебной процедуры, предполагающей принятие мотивированного судебного акта, в котором по итогам судебного заседания с предоставлением каждой

стороне права довести до суда свою позицию, на основе исследования доказательств установлены законные основания для передачи дела в другой конкретный суд, притом что законность и обоснованность данного акта подлежит проверке вышестоящей судебной инстанцией по соответствующим жалобам, представлениям участников процесса.

В настоящее время процедура рассмотрения вопроса об изменении территориальной подсудности уголовного дела урегулирована положениями статьи 35 УПК Российской Федерации. Согласно части третьей данной статьи вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, указанным в ее части первой, разрешается по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, судьей вышестоящего суда в порядке, установленном частями третьей, четвертой и шестой статьи 125 данного Кодекса, обязывающими суд разрешить этот вопрос в течение пяти суток, определяющими круг участников судебного заседания, его открытую или закрытую форму, порядок проведения и адресатов направления копий судебного решения. Такая процедура, как следует из части первой статьи 35 УПК Российской Федерации, используется прежде всего для защиты субъективного права обвиняемых на судебную защиту путем изменения подсудности с согласия всех обвиняемых (подпункт «б» пункта 2) или при наличии оснований для отвода всем судьям состава определенного суда (пункт 1 и подпункт «а» пункта 2), притом что судья, которому заявлен отвод, вправе в соответствии с частью второй статьи 65 данного Кодекса до удаления остальных судей в совещательную комнату публично изложить свое объяснение по поводу заявленного ему отвода.

Процедура же рассмотрения вопроса об изменении территориальной подсудности уголовного дела, предусмотренная частями четвертой – седьмой статьи 35 УПК Российской Федерации, предназначена для передачи в окружной (флотский) военный суд по месту совершения преступления уголовного дела хотя бы об одном из преступлений, предусмотренных статьями 208, 209, частями первой – третьей статьи 211, статьями 277–279 и

360 УК Российской Федерации, если существует реальная угроза личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц: она включает в себя принятие постановления судьей Верховного Суда Российской Федерации по ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя в судебном заседании с участием прокурора, обвиняемого и его защитника в срок до 15 суток со дня поступления ходатайства с предоставлением прокурору возможности обосновать ходатайство и заслушиванием явившихся в заседание лиц (по решению суда обвиняемый может участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи). Эта процедура применяется в исключительных для уголовного судопроизводства случаях, когда обычными уголовно-процессуальными средствами невозможно обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства и создать необходимые условия для достижения его целей, закрепленных в статье 6 УПК Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 года № 860-О), а принятие в ее рамках решения об изменении территориальной подсудности уголовного дела, как обусловленное не субъективным настроем судьи, а объективными обстоятельствами, не предполагает наделения судей суда, в который это дело поступило, правом публично изложить свои объяснения по поводу оснований его передачи в другой суд.

Возможность обвиняемого (одного из нескольких обвиняемых) влиять на деятельность государственных и общественных институтов и общественное мнение на территории, подпадающей под юрисдикцию суда, в который поступило уголовное дело, вызвать недоверие к легитимности будущего судебного решения и тем самым с объективной точки зрения поставить под сомнение беспристрастность судей этого суда (даже когда их субъективный настрой безупречен) также можно отнести к экстраординарным, исключительным основаниям для изменения территориальной подсудности уголовного дела (тем более если это

сопряжено с угрозами жизни и физической неприкосновенности участников процесса либо их близких).

Соответственно, в целях обеспечения публично-правовых интересов надлежащего функционирования судебной власти решение о передаче уголовного дела в суд иной территориальной юрисдикции (в том числе в суд, юрисдикция которого распространяется на территорию другого субъекта Российской Федерации) должно приниматься по обращению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя на высшем уровне судебной системы Российской Федерации – Верховным Судом Российской Федерации. При определении суда, в который необходимо передать уголовное дело для рассмотрения, должны соблюдаться гарантии справедливости и состязательности (включая учет мнения сторон о наличии каких-либо препятствий к передаче дела в определенный суд) и обеспечиваться принцип доступности правосудия (территориальная и транспортная доступность, технические возможности видеоконференц-связи, судебные издержки и др.).

Федеральный законодатель – исходя из требований Конституции Российской Федерации, в том числе закрепляющих принципы правовой определенности, полноты и эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – вправе внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения, направленные на совершенствование правил изменения территориальной подсудности уголовных дел при наличии обстоятельств, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда на территории, подпадающей под его юрисдикцию, включая влияние на деятельность государственных и общественных институтов, которое обвиняемый (один из нескольких обвиняемых) в силу своего положения, должностного или фактического, имел до начала уголовного преследования или сохраняет на соответствующей территории. При этом федеральный законодатель, обладающий достаточно широкой дискрецией в регулировании

гарантий рассмотрения уголовного дела независимым, беспристрастным и законным судом, вправе предусмотреть и иные способы защиты принципа надлежащего суда (с учетом общественного резонанса конкретного уголовного дела, угрозы общественному восприятию судей как беспристрастных, необходимости обеспечения безопасности участников судопроизводства, в том числе самого обвиняемого, и др.), в частности рассмотрение уголовного дела тем судом, которому оно подсудно, но на другой территории, или судом другой территориальной юрисдикции, но на той же территории, при соблюдении всех вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливого судебного разбирательства.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать части первую, третью и четвертую статьи 35 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в них положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального регулирования и с учетом сложившейся правоприменительной практики – не исключают возможность изменения территориальной подсудности уголовного дела в случае, если на территории, подпадающей под юрисдикцию суда, в который поступило данное уголовное дело, сохраняющееся фактическое влияние обвиняемого или одного из нескольких обвиняемых (в том числе обусловленное его положением до начала производства по данному уголовному делу) на деятельность государственных и общественных институтов создает угрозу гарантиям объективного и беспристрастного правосудия.

При наличии указанных обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, к подсудности которого оно отнесено законом, вопрос об изменении территориальной подсудности данного уголовного дела рассматривается по обращению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя судьей Верховного Суда Российской Федерации в рамках состязательного судебного разбирательства при обеспечении его участникам гарантий справедливого правосудия, что предполагает при выборе суда, в который необходимо передать уголовное дело для рассмотрения, учет мнения сторон о наличии каких-либо препятствий к передаче дела в определенный суд и соблюдение принципа доступности правосудия (территориальная и транспортная доступность, технические возможности видеоконференц-связи, судебные издержки и др.).

Принятое в таком порядке решение об изменении территориальной подсудности уголовного дела может быть обжаловано или на него может быть принесено представление прокурора в установленном порядке.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл частей первой, третьей и четвертой статьи 35 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности положений статьи 1 УПК Российской Федерации.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 39-П

Особое мнение
судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М.Казанцева

Не разделяя правовую позицию, содержащуюся в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу, вынужден изложить свое особое мнение.

Конституционный Суд Российской Федерации, ранее неоднократно обращаясь к вопросам о законодательных гарантиях судебной защиты прав лица, чьи права и законные интересы были нарушены (статья 46, части 1 и 2), в том числе права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), а также о полномочиях суда при изменении территориальной подсудности (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 19 апреля 2010 года № 8-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 9 июня 2011 года № 12-П и от 20 июля 2012 года № 20-П), пришел к следующим выводам:

в соответствии со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах все равны перед законом и судом; каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, имеет право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на

основании закона. Указанные положения, как относящиеся к общепризнанным принципам и нормам международного права, согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации. По смыслу этих положений, право каждого на судебную защиту, обеспечиваемое путем рассмотрения его дела законным, независимым и беспристрастным судом, означает, в частности, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным судом; признание же суда законно установленным требует, чтобы его компетенция по рассмотрению данного дела определялась законом. Поэтому статья 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом;

сформулированное, как субъективное право каждого, требование Конституции Российской Федерации об определении подсудности дел законом означает, что в таком законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее, т.е. до возникновения спора или иного правового конфликта, предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело. Иное не позволяло бы суду, сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе, приводило бы к необходимости устранять ее посредством правоприменительного решения, т.е. дискреционным полномочием правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела уже не на основании закона;

обстоятельства, в силу которых невозможно обеспечить беспристрастность суда, являются основаниями для устранения судьи из процесса и, следовательно, для передачи дела другому судье, поскольку иное препятствовало бы реализации конституционного права граждан на защиту независимым и беспристрастным судом; чтобы исключить произвольный выбор суда или судьи, закон, допуская такую передачу, должен закреплять и ее надлежащий процессуальный механизм (в том числе определять уровень и

территориальное расположение суда, в который дело может быть передано; судебную инстанцию, которая могла бы подтвердить наличие оснований для передачи), а также обеспечивать право на обжалование соответствующего решения, принимаемого в виде судебного акта;

передача дела вышестоящим судом из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд не противоречит Конституции Российской Федерации, если осуществляется в рамках судебной процедуры при наличии указанных в самом процессуальном законе (как в статьях о подсудности, так и в иных его статьях) точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и, следовательно, подлежит передаче в другой суд.

Признавая не соответствующей Конституции Российской Федерации статью 44 УПК РСФСР, допускающую передачу уголовного дела из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд без принятия соответствующего процессуального судебного акта и при отсутствии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств) для такой передачи, Конституционный Суд Российской Федерации учитывал в том числе, что эти нормы допускают возможность расширительного истолкования, а следовательно, и произвольного их применения (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 года № 9-П).

Данные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою юридическую силу и для действующего правового регулирования изменения территориальной подсудности уголовного дела.

Руководствуясь Конституцией Российской Федерации и правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации, федеральный законодатель, закрепляя в части первой статьи 32 УПК Российской Федерации общее правило для определения территориальной подсудности уголовного дела, в той же статье установил и все возможные исключения из этого правила, не оставляя правоприменителю возможность произвольного расширительного или ограничительного толкования данной

нормы: если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда, то данное уголовное дело подсудно суду по месту окончания преступления (часть вторая); если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них (часть третья). Частями четвертой и пятой той же статьи предусматриваются исключения из данного общего правила в отношении определения территориальной подсудности уголовных дел, совершенных вне пределов Российской Федерации, а статьей 33 данного Кодекса допускается рассмотрение уголовного дела вышестоящим судом в случае обвинения одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, уголовные дела о которых подсудны судам разных уровней.

Соответственно, и положения статьи 35 УПК Российской Федерации, определяющие основания и порядок изменения территориальной подсудности уголовного дела, в том числе без согласия обвиняемых, также исходят из того, что данный перечень оснований изменения подсудности является исчерпывающим («Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации», постатейный, отв. ред. В.М.Лебедев, рук. авт. кол. В.А.Давыдов, «НОРМА», «ИНФРА-М», 2014).

Таким образом, по буквальному смыслу статьи 35 УПК Российской Федерации, территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена при удовлетворении отвода, заявленного всему составу соответствующего суда (пункт 1 части первой), или при наличии оснований для отвода всех судей данного суда как ранее принимавших участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу (подпункт «а» пункта 2 части первой). При этом, как следует из части пятой статьи 65 УПК Российской Федерации, в случае удовлетворения заявления об отводе судьи, нескольких судей или всего состава суда уголовное дело, ходатайство либо жалоба передаются в производство соответственно другому судьи или

другого состава суда в порядке, установленном данным Кодексом. По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена лишь по делам террористической направленности по решению Верховного Суда Российской Федерации (часть четвертая статьи 35 УПК Российской Федерации).

Допуская возможность изменения территориальной подсудности уголовного дела только в случаях, установленных в федеральном законе, федеральный законодатель правомерно исходит из того, что такое правовое регулирование не направлено на ограничение прав судебной власти и не только не умаляет ее авторитет, но и служит достижению публично-правовых целей ее защиты в целях дополнительной гарантии ее независимости и беспристрастности. При этом, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, при решении вопросов, связанных с изменением территориальной подсудности уголовного дела, судам надлежит исходить из необходимости обеспечения интересов правосудия и – в контексте требований статей 17 (часть 3), 19 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 53 Конституции Российской Федерации – из необходимости защиты как прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, которые считаются невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации).

В то же время в правоприменительной практике (что подтверждается, в частности, материалами, представленными в Конституционный Суд Российской Федерации заявителями по настоящему делу) оспариваемые положения статьи 35 УПК Российской Федерации понимаются как позволяющие правоприменительным органам изменять территориальную подсудность уголовного дела в тех случаях, когда, по их мнению,

беспристрастность его рассмотрения не только судом, которому оно подсудно, но и всеми судами региона может быть поставлена под сомнение.

Как следует из статей 3, 36, 74, 96, 97, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом проверяет конституционность закона или отдельных его положений в той части, в какой они были применены или подлежат применению в конкретном деле, оценивая как буквальный смысл этих законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и учитывая их место в системе правовых норм.

Как видно из материалов дел И.С.Пушкарева, А.С.Пушкарева и А.В.Лушникова, Верховный Суд Российской Федерации в двух инстанциях принял решение об изменении территориальной подсудности дел заявителей ввиду того, что И.С.Пушкарев в силу занимаемых ранее должностей обладал контактами с представителями различных структур власти Приморского края, а также через подконтрольные средства массовой информации принимал меры по дискредитации следственных органов, что не исключало возможности использования связей с целью влияния на итоговое судебное решение. Все это, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствовало о том, что позиция судей Приморского края в ходе рассмотрения уголовного дела и при установлении фактических обстоятельств не будет исключительно нейтральной.

Верховный Суд, ссылаясь на оспариваемые положения статьи 35 УПК РФ в их системной связи с положениями пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в интерпретации Европейского Суда по правам человека, в том числе по делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации», пришел к выводу о необходимости направить дело для рассмотрения в Тверской районный суд Москвы.

Такая практика применения судами оспоренных норм не единична.

8 июня 2017 года Верховный Суд Российской Федерации в апелляционном определении № АПЛ17-183 согласился с передачей уголовного дела из Республики Дагестан в другой субъект Российской Федерации исходя из того, что подсудимый работал в системе правоохранительных органов, возглавлял прокуратуру Республики Дагестан, избирался главой городского округа «Город Дербент», депутатом Народного Собрания Республики Дагестан, взаимодействовал с судами.

26 июля 2016 года Верховный Суд Российской Федерации согласился с изменением подсудности дела, по которому было установлено, что один из обвиняемых работал в должности начальника Правового управления аппарата Кабинета Министров Республики Татарстан, является судьей Конституционного суда данного субъекта Российской Федерации, а также членом Совета судей Республики, имеет возможность оказания влияния на участников судебного разбирательства в случае рассмотрения уголовного дела судами Республики Татарстан; уголовное дело из подсудности Приволжского районного суда города Казани было передано для рассмотрения в Тверской районный суд города Москвы (апелляционное определение от 26 июля 2016 года № АПЛ16-310).

Вместе с тем в других аналогичных делах последних лет, в которых к уголовной ответственности привлекались гораздо более влиятельные должностные лица, вопрос об изменении подсудности в связи с сомнениями в беспристрастности суда в соответствии с субъективным и объективным подходом вообще не возникал. Так, Александр Хорошавин – экс-губернатор Сахалинской области вместе с экс-заместителем председателя правительства Сахалинской области С.Карепкиным и другими виновными лицами был осужден Южно-Сахалинским городским судом. Василий Юрченко – экс-губернатор Новосибирской области осужден в Центральном районном суде города Новосибирска. Николай Денин – экс-губернатор Брянской области был признан виновным в инкриминируемом преступлении Советским районным судом города Брянска. Андрей Нелидов – экс-глава Карелии осужден по приговору Петрозаводского городского суда.

Следует отметить, что судебная практика стала меняться в сторону расширительного толкования оснований изменения подсудности по делам некоторых должностных лиц субъектов Федерации сравнительно недавно. Верховный Суд Российской Федерации, ссылаясь на интерпретацию пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, данную Европейским Судом по правам человека по ряду дел и в том числе по делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации» (постановление ЕСПЧ от 3 февраля 2011 года), пришел к выводу, что поскольку из правовых позиций ЕСПЧ следует, что не требуется последовательно заявлять отводы персонально каждому из судей соответствующего суда, чтобы признать всех судей данного судебного органа небеспристрастными, то и по смыслу оспариваемых положений статьи 35 УПК Российской Федерации можно «заявить отвод» всем судьям субъекта Российской Федерации, поставив под сомнение их «объективную» беспристрастность.

Действительно, Европейский Суд по правам человека в ряде своих постановлений (*Nota bene*: защищая права граждан в их спорах с государством) на основании пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод сформулировал положение о том, что беспристрастность должна оцениваться, во-первых, в соответствии с субъективным подходом, отражающим личные убеждения или заинтересованность данного судьи по конкретному делу, а во-вторых, в соответствии с объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по данному поводу. При наличии обстоятельств, говорящих стороннему объективному наблюдателю, что судья, возможно, не сможет рассмотреть данное дело абсолютно непредвзято, ставится под сомнение его объективная беспристрастность, даже если субъективный настрой судьи безупречен. Согласно субъективному критерию личная беспристрастность судьи презюмируется, пока нет данных, указывающих на обратное. Напротив, объективный подход констатирует пристрастность судьи, если имеются факты, которые объективно могут породить сомнение в его

беспристрастности, причем значение имеют и внешние проявления. От этого зависит доверие, которое суды в демократическом обществе должны вызывать у общественности. Это предполагает, что при решении вопроса о том, имелись ли в данном деле законные основания опасаться, что конкретный судья или судебная коллегия небеспристрастны, точка зрения лиц, ссылающихся на отсутствие беспристрастности у судьи или судебной коллегии, важна, хотя и не имеет решающего значения. Определяющее значение имеет вопрос о том, можно ли считать данное опасение объективно оправданным (постановление Европейского Суда по делу «Готрен и другие против Франции» и постановление Большой Палаты по делу «Киприану против Кипра» от 15 декабря 2005 года, § 58 и § 118). Однако из правовых позиций Европейского Суда по правам человека вряд ли вытекает вывод, к которому пришел Верховный Суд Российской Федерации, о праве органов обвинения ставить под сомнение беспристрастность всех судей субъекта Российской Федерации и уж тем более фактически произвольно предлагать Верховному Суду изменять подсудность уголовного дела.

С учетом противоречивой практики Верховного Суда Российской Федерации можно констатировать, что оспариваемые положения частей первой, третьей и четвертой статьи 35 УПК Российской Федерации могут быть истолкованы *contra legem* (вопреки их буквальному смыслу) как позволяющие правоприменительным органам в отдельных случаях расширять исчерпывающий перечень оснований для изменения подсудности. И, несмотря на то что правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации сформулированы в вышеуказанных решениях достаточно неопределенно, они все же позволяют сделать вывод, что по ходатайству заместителя Генерального прокурора дело, отнесенное законом к подсудности судов общей юрисдикции одного субъекта Российской Федерации, может быть передано по решению судьи Верховного Суда на рассмотрение в суд другого субъекта Российской Федерации. При этом не ясно, какими критериями руководствуются органы прокуратуры и суд при

определении объективной беспристрастности суда, а также в какой суд и какого субъекта Российской Федерации должно быть передано дело.

Несостоятельность такого толкования и применения статьи 35 УПК Российской Федерации осознается и самим Верховным Судом, а также федеральным законодателем. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания от 3 апреля 2018 года № 3765-7 в первом чтении принят законопроект № 346533-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам подсудности уголовных дел», разработанный Верховным Судом Российской Федерации. Из пояснительной записки к этому проекту следует, что недостаточно полная и четкая регламентация как оснований для принятия подобных решений, так и применяемой судом процедуры приводит к различному толкованию положений указанной статьи и, как следствие, к отсутствию единства судебной практики. Для принятия решений в соответствии с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод оснований, установленных в этой статье, недостаточно. В связи с этим в ряде случаев судьи вынуждены обосновывать свои решения прямыми ссылками на положения этой Конвенции, что с точки зрения принципа законности в российском уголовно-процессуальном праве недопустимо.

Но в целях устранения неполноты правового регулирования Верховный Суд в своем законопроекте рекомендует не утвердить складывающуюся практику по делам, аналогичным делу заявителей, а внести изменения в общий порядок изменения подсудности, установленный в частях 1–3 статьи 35 УПК Российской Федерации. В частности, пункт 2 части первой данной статьи предлагается дополнить подпунктом «в», в соответствии с которым изменение территориальной подсудности уголовного дела допускается также в случаях, если имеются обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу; в части второй названной статьи предлагается уточнить, что ходатайство об изменении территориальной подсудности по основаниям, указанным в части первой этой статьи, подается через суд, в который

поступило уголовное дело. Причем в пояснительной записке к проекту подчеркивается, что указание на часть первую статьи 35 УПК Российской Федерации требуется для дифференциации с порядком, установленным частью четвертой названной нормы для ходатайства Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя, которое может быть подано непосредственно в Верховный Суд Российской Федерации до направления уголовного дела в суд.

Однако и в законопроекте остается неурегулированным вопрос о том, в какой конкретно иной суд должно направляться дело с принятием решения об изменении территориальной подсудности, если обвиняемый против передачи в этот конкретный суд возражает.

Таким образом, установленный в положениях частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в их системной связи с положениями пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в интерпретации Европейского Суда по правам человека и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, порядок изменения территориальной подсудности дел в той мере, в какой им допускается возможность изменения подсудности не на основании прямого указания закона, а произвольно, по усмотрению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации и судьи Верховного Суда Российской Федерации, не может расцениваться как согласующийся с общеправовым критерием определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы. Тем самым создается предпосылка для избирательного правосудия и нарушения закрепленных Конституцией Российской Федерации принципов и положений, относящихся к осуществлению правосудия, – права каждого на судебную защиту (статья 46, части 1 и 2), в том числе на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), осуществления правосудия только судом (статья 118), самостоятельности и независимости суда (статьи 10 и 120, часть 1), осуществления

судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3).

**Особое мнение
судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю.М.Данилова**

С принятым Конституционным Судом Российской Федерации Постановлением от 9 ноября 2018 года № 39-П по жалобам А.В.Лушникова, А.С.Пушкарева и И.С.Пушкарева не согласен, в связи с чем сообщаю следующее.

1. В ходе исследования поставленных заявителями вопросов Конституционным Судом Российской Федерации применен метод (способ) выявления так называемого конституционно-правового смысла оспоренной нормы.

Подобные подходы вполне допустимы и широко используются в практике Суда в тех случаях, когда выявленный Судом смысл направлен на обеспечение гарантий прав и законных интересов граждан, а не на ограничение их. Однако в данном случае названный подход неприемлем, поскольку выявить указанный смысл можно только при условии, если правовая норма существует. Признав конституционно-правовую допустимость существования в уголовно-процессуальном законе такого основания для изменения территориальной подсудности уголовного дела, как наличие «экстраординарных» обстоятельств, и обнаружив отсутствие такового в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Суд вправе был предложить законодателю восполнить имеющий конституционное значение пробел в правовом регулировании посредством механизма, установленного статьей 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». На деле же Суд самостоятельно сконструировал ранее несуществующую правовую норму, выйдя при этом за пределы своей компетенции, а затем уже

принялся выяснять ее конституционно-правовой смысл, признав при этом изобретенный «фантом» соответствующим Конституции Российской Федерации.

Можно ли оценить буквальный смысл (это в первую очередь требует Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» в статье 74) несуществующей нормы? Полагаю, нет.

2. Суд, основывая свое решение также на сложившейся правоприменительной практике, по существу признал (в отсутствие нормы) допустимость существования в российской правовой системе судебного прецедента как источника права, что по меньшей мере дискуссионно, учитывая конституционные положения о разделении властей и компетенции судебных органов.

Наличие пробела в правовом регулировании исследуемых отношений, требующего законодательного восполнения, ранее было уже признано как Верховным Судом Российской Федерации, внесшим в инициативном порядке соответствующий законопроект, так и Государственной Думой Российской Федерации, принявшей его в первом чтении.

К тому же, сконструировав новую правовую норму, Конституционный Суд Российской Федерации не только призвал следовать ей, исключив иное ее толкование в правоприменительной практике, но и обратил ее действие вспять, не поставив вопрос о пересмотре состоявшихся в отношении заявителей решений, т.е. придал обратную силу норме, ухудшающей их положение (а иначе зачем бы они жаловались?).

Кстати, имеющиеся в Постановлении ссылки на решения Европейского Суда по правам человека не добавляют аргументацию, поскольку содержащиеся в них позиции касаются необходимости обеспечения как раз прав граждан на беспристрастный суд, когда инициатива в изменении территориальной подсудности исходит не от обвинения, а от защиты.

3. Формулируя так называемые «экстраординарные» основания для изменения территориальной подсудности уголовных дел, Конституционный Суд Российской Федерации, естественно, не располагал тем широким

арсеналом возможностей, используемых Государственной Думой, Советом Федерации и Президентом Российской Федерации в законодательном процессе, что привело к неопределенности формулировок, которые вряд ли будут способствовать формированию единообразного подхода к решению названных вопросов в правоприменительной практике.

В частности, в абзаце первом резолютивной части Постановления Суд допустил возможность изменения территориальной подсудности дела, уже поступившего в компетентный суд общей юрисдикции. И это объяснимо, поскольку в противном случае пришлось бы изменять правила подсудности уголовных дел, что было бы очевидным выходом за пределы спора. Но, получив дело, суд общей юрисдикции обязан приступить к процедуре его рассмотрения. Однако уже во втором абзаце Постановления Конституционный Суд Российской Федерации, вопреки нормам, регулиующим порядок рассмотрения дел, предписывает рассмотреть вопрос об изменении территориальной подсудности Верховному Суду Российской Федерации, запуская одновременно два процесса.

4. В качестве основания для изменения территориальной подсудности Конституционный Суд Российской Федерации указал на наличие фактического влияния обвиняемого или одного из нескольких обвиняемых (кстати, почему только одного?) на деятельность государственных и общественных институтов.

Понятно, что фактическое влияние может быть установлено лишь на основе соответствующих фактов, обязанность доказывать которые в данном случае лежит на обвинении: какие это факты, какова их совокупность, а если их нет, означает ли это при любых обстоятельствах отсутствие угрозы гарантиям объективного и беспристрастного правосудия, как воздействие обвиняемого на государственные институты может повлиять на легитимность правосудия? И разве не является апеллирование обвиняемого к общественному мнению реализацией конституционной гарантии права на распространение информации?

Очевидно же, что у обвинения гораздо больше возможностей воздействовать на формирование через средства массовой информации

общественного мнения, чем у находящихся под стражей обвиняемых, в связи с чем решение вопросов защиты их права на беспристрастный суд является актуальным. Судебная практика свидетельствует, что в большинстве случаев основанием для изменения территориальной подсудности явился лишь один факт должностного положения обвиняемого. Но тогда почему же на «своих» территориях судят мэров крупных городов, глав администраций, федеральных министров?

Упомянутое предписание Конституционного Суда Российской Федерации не отвечает конституционным требованиям ясности, точности и непротиворечивости правовых норм, поскольку его механизм действия должен быть предсказуем и понятен субъектам правоотношений, а конституционная законность, равенство всех перед законом и судом и равноправие должны быть обеспечены при условии единообразного понимания и применения правовой нормы всеми правоприменителями.

Таким образом, расплывчатость формулировки оснований для изменения территориальной подсудности приведет на практике к широкому и произвольному усмотрению правоприменительных органов, что вряд ли являлось целью Суда.

5. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении указал: в целях обеспечения публично-правовых интересов судебной власти решение о передаче уголовного дела в суд иной территориальной юрисдикции должно приниматься по обращению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя на высшем уровне судебной системы – Верховным Судом Российской Федерации.

Предложенное регулирование означает: либо полномочий высшего судебного органа субъекта Российской Федерации для передачи уголовного дела внутри субъекта недостаточно, либо изменение территориальной подсудности по указанному основанию внутри субъекта Российской Федерации в принципе невозможно. Такой подход тем более неприемлем в условиях нынешнего построения судебной системы в стране, когда появились

самостоятельные в территориальном смысле апелляционные и окружные кассационные суды.

6. Построение уголовного процесса на принципах состязательности и равенства прав сторон с необходимостью требует наделения наряду с обвинителем также потерпевшего, подсудимого и стороны защиты правом заявлять ходатайства об изменении территориальной подсудности по названному основанию – фактическому воздействию на деятельность государственных и общественных институтов, создающее угрозу гарантиям объективного и беспристрастного правосудия. Понятно, что таких ходатайств, основанных на фактах использования обвинения, в частности средств массовой информации для формирования мнения еще на стадии предварительного следствия, появится такое количество, которое способно привести к разбалансированию деятельности Верховного Суда Российской Федерации.

Это хорошо осознавал сам Верховный Суд, предложивший во внесенном им законопроекте другую процедуру, при которой подобного рода ходатайства подаются через суд, в который поступило дело. В пояснительной записке к проекту указывается, что «это уточнение будет способствовать обеспечению единства судебной практики, поскольку позволит исключить факты непосредственного обращения с таким ходатайством к председателю вышестоящего суда, что может в отдельных случаях приводить к несогласованности действий различных судебных инстанций по одному и тому же делу. Указание на часть первую статьи 35 УПК РФ требуется для дифференциации с порядком, установленным частью четвертой названной нормы для ходатайства Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя, которое может быть подано непосредственно в Верховный Суд Российской Федерации до направления уголовного дела в суд». И, добавим от себя, касаются узкого перечня составов преступлений против общественной безопасности при наличии совершенно другого основания – существования реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства и их близких родственников. При этом называется суд, в который такие дела

передаются: окружной (флотский) военный суд по месту совершения преступления.

7. И, наконец, последнее. Предписанный названным Постановлением механизм рассмотрения подобного рода ходатайств выносит за скобки как не имеющее никакого значения мнение самих носителей судебной власти – судей того суда, к юрисдикции которого по установленной законом процедуре относится рассмотрение уголовного дела, т.е. осуществление правосудия. Двумя росчерками пера (обвинителя и судьи Верховного Суда Российской Федерации) оформляется подозрение (впрочем, даже утверждение) в отношении названных судей в необъективности и ангажированности, пусть и с отсылкой на какие-то существующие помимо их воли обстоятельства, способные породить сомнения в их легитимности. Между тем речь идет ни много ни мало об их компетентности, деловой репутации, чести и верности принесенной присяге: «Осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велит мне долг судьи и моя совесть».

По делу заявителей выяснилось, что справедливых судей не обнаружилось ни в Приморском крае, ни в других близлежащих субъектах, таковые нашлись лишь в районном суде «территориально близкой» столицы. Почему бы не передать указанное дело в один из судов Сахалина, где «осмелились» осудить «своего» губернатора? Получается, что должностное лицо городского уровня Приморского края оказалось способным воздействовать на властные и общественные структуры практически всех субъектов Российской Федерации таким образом, что создало угрозу гарантиям объективного и беспристрастного правосудия. Дважды – в 1999 и 2009 годах – Конституционный Суд Российской Федерации принимал решения, фактически запретившие применение в стране смертной казни. При этом что известный Шестой протокол об отмене смертной казни Государственной Думой Российской Федерации до сих пор не ратифицирован, наказание в виде смертной казни федеральным законодателем не исключено из Уголовного кодекса Российской Федерации, а опросы общественного мнения выявили

подавляющее преобладание сторонников смертной казни в стране. И ничего здесь «героического» нет. Так повелевала Конституция Российской Федерации.

Боюсь нумерологии – впереди 2019 год.

Несомненно, проблема изменения территориальной подсудности уголовных дел существует. Но попытка решить ее в узких рамках конкретного нормоконтроля вряд ли может привести к желаемому результату: она многогранна, требует комплексного подхода; здесь мало поставить сруб, здесь требуется помимо плотника еще и квалифицированное участие столяра.